

К БАЛТИЙСКОМУ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ ДАТИВУ ЕД. Ч.

§ 1. Данную статью¹, рассматривающую ряд балтистических и индоевропейских вопросов по истории дативных (а также некоторых других) флексий всех основ, забегаая значительно вперед, позволяем себе начать со следующих выводов этой же статьи, касающихся реконструкции древнейшей флексии *o*-основного датива ед.ч.: а) индоевропейские диалекты предполагают, видимо, не праиндоевропейскую флексию **-ōi*, а праиндоевропейскую **-ō* [= чистую (удлиненную) *o*-основу] и, возможно, еще некоторые другие, б) традиционное возведение флексии **-ōi* к **-ō + ei* (resp. **-ō + ai*), точнее, допущение контракции **ō + e* (resp. **ō + a*) для объяснения долгого **ō* в этой же **-ōi* нам не представляется вероятным, в) расширение праиндоевропейской флексии **-ō* формантом *-(e)i*, т.е. образование флексии **-ōi* происходило, по нашему мнению, не в праиндоевропейскую эпоху, а гораздо позднее — уже в отдельных соответствующих индоевропейских диалектах (напр., гр. ω).

§ 2. Для восстановления флексии и.-е. **-ōi* (*o*-основный дат.п.ед.ч.) ученые одним из важнейших аргументов до настоящего дня считают литовскую флексию *-ui* (лит. *vil̃-kui* „волку“), всеми возводимую к **-uoi* < и.-е. **-ōi*. Хотя возведение данной лит. *-ui* к **-uoi* < и.-е. **-ōi* в чисто формальном отношении и не является невозможной, однако внутренняя реконструкция соответствующего литовского и балтийского диалектного материала (кстати, имеющего исключительную важность для решения данной балтистической resp. индоевропейской проблемы), по нашему мнению, не позволяет восстанавливать древнейшую флексию (*o*-основный дат.п.ед.ч.) балт. **-ōi*² < и.-е. **-ōi*, т.е. именно такую флексию в прабалтийском вплоть

¹ Основные мысли которой нами определены уже в 1959 г., ср. также: В. Мажюлис, Из балто-славяно-германской морфологии, „Тезисы докладов I-ой Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания“, Минск, 1961, 11—12.

² Здесь и далее гласный балт. (сл.) **ō* [„традиционно“: балт. (сл.) **ō̄*], а также гласные балт. (сл.) **ō* [„традиционно“: балт. (сл.) **ō̄*], балт. (сл.) **ō̄* [„традиционно“: балт. **ā̄*] и т. п. употребляем в том же значении, что и в нашей статье: Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии, „Baltistica“ I (1), 17 сл. Кстати, эти же гласные можно было бы заменить „традиционными“ балт. (сл.) **ō̄* [наш: балт. (сл.) **ō̄*], балт. (сл.) **ā̄* [наш: балт. (сл.) **ō̄*], балт. **ā̄* [наш: балт. (сл.) **ō̄*] и т. п., — это, вообще говоря, не может принести ущерба основным выводам данной статьи. Замечание: прабалтийские (resp. праславянские) гласные, напр., **ō* (> лит. *o* = лтш. *ā*), **ō̄* (> лит. *a* = лтш. *a*) от праиндоевропейских **ō* (> лит. *uo* = лтш. *uo*), **ō̄* (> лит. *a* = лтш. *a*) в данной статье

до праиндоевропейского. Первым недостатком гипотезы (которую все считают даже аксиомой), согласно которой лит. (*vil̃k*)-*ui* предполагает и.-е. *-*ōi*, является то, что до сих пор, в действительности, не выяснено генетическое соотношение литовской (*vil̃k*)-*ui* с другими его диалектными вариантами. Выяснение всего этого однако имеет большое значение для реконструкции не только соответствующей дативной, но и других флексий и, к тому же, не только балтийских, но и других индоевропейских языков.

§ 3. В литовских говорах *o*-основный датив ед.ч. представлен не одной флексией (*vil̃k*)-*ui*, но и другими; причем, очень важно подчеркнуть, что соответствующие флексии как для *o*-, так и для *u*-основного датива ед.ч. в говорах соответственно одинаковы:

а) флексия *-ui* (*vil̃k-ui*, *sūn-ui*) имеется в говорах западноаукштайтских (включая определенные восточnodзукские) и кое-где в среднеаукштайтских (Josvainiai, Kaišiadorys, Žiežmariai и др.);

б) флексия *-u* (*vil̃k-u*, *sūn-u*) представлена западnodзукскими и частью соседних с ними западноаукштайтских говоров, некоторыми восточноаукштайтскими (Skapiškis, Kupiškis и др.) и целым рядом среднеаукштайтских (Dotnuva, Kėdainiai, Šėta, Uruptė, бассейн реки Mūša и др.) говоров;

в) флексия *-uo* (*vil̃k-uo*, *sūn-uo*) употребляется в жемайтском (точнее, жем.-доун. *-ou* = жем.-дун. *-ū*); она „спорадически“ отмечена также и в некоторых восточно- и западnodзукских говорах: Gervėčiai (Островецкий р-н БССР), Ramaškonys (Вороновский³ р-н, БССР), Lieponys (р-н Eišiškės), Valkininkas (р-н Eišiškės), Dusmenys (р-н Daugai) и др.⁴;

г) в говорах Debeikiai, Anykščiai, Kurkliai, Žemaitkiemis, Želva, Gelvonai и др. флексию разбираемого *o*- и *u*-основного падежа произносят так, как и, напр., *ā*-основную флексию дат. п.ед.ч. В окрестностях, скажем, Gelvonai первый компонент дифтонга, служащего, напр., *ā*-основной флексией дат. п.ед.ч. (она безударна) представляет гласный (разумеется, давно сокращенный, т.е. краткий) среднего ряда верхнего подъема, нелабиализованный: данную флексию произносят приблизительно *-yi*⁵; ударному же

графически различаются пометами балт., сл., и.-е., т.е. балт. **ō*, сл. **ō*, и.-е. **ō*, балт. **ō*, сл. **ō*, и.-е. **ō*; в тех случаях, когда эти гласные стоят в морфемах или словах, подобные пометы пишутся перед морфемами или словами.

³ Varenāvas — Balatnà.

⁴ В говорах Dusmenys, Lieponys, Valkininkas и др. произносят (приблизительно) как *-ō* (*vil̃k-o* „волку“), которая, уже давно будучи безударной, соответственно продолжает диалектное развитие флексии, несомненно тождественной с лит. диал. *-uo* (*vil̃k-uo* „волку“).

⁵ См. Z. Zinkevičius, *A(ō)-kamienių daiktavardžių vienaskaitos naudininkas*, „Vilniaus Valstybinio universiteto Istorijos-filologijos fakulteto Mokslo darbai“, I, Vilnius, 1954, 190—191.

лит. литер. *-ai* (напр., *vilkaĩ* им.п.мн.ч.) здесь соответствует *-yĩ*. По мере того, как в указанной диалектной территории направляемся с юга (скажем, с *Gelvonai*) на север (скажем, *Debeikiai*), этот *-y-* (*-yi*) становится все более и более гласным среднего подъема среднего ряда: в дебейкяйском (*Debeikiai*) говоре безударный дифтонг, соответствующий литературному лит. *-ai*, уже произносятся *-ai* (*vilk-ai* „волку“, *sũn-ai* „сыну“, дат. п.ед.ч.); здесь тот же ударный звучит как *-ai*.

§ 4. Отметим, что дебейкяйский дифтонг *ai* во флексии датива ед.ч. является всегда безударным, в то время как в остальных позициях конца и середины слова он может быть и ударным, и безударным. Следует сказать, что дебейкяйская фонема *u* (краткая) является слабо лабиализованной (слабо лабиализованы и соответствующие другие гласные и *uo*), в особенности, в безударной позиции, а области рассеивания фонем *u* и *a* (кратких) значительно продвинуты по направлению к среднему подъему и среднему ряду, т.е. к фонеме *ə*. Это следует отнести, разумеется, и к гласному *u* в дифтонге *ui*, кстати, представляющем очень слабую цепь в системе дебейкяйских (как и вообще балтийских) дифтонгов (этот дифтонг встречается очень редко!), и, тем более, — к гласному *u* в дифтонге *ui*, находящемся в безударном положении конца слова. В связи с этим вполне вероятно считать, что *o-* и *u-*основная флексия (дат.п.ед.ч.) *-ui* (= лит. литер. *-ui*), представляющая единственный случай конечного неударного (т.е., никогда неударного) дифтонга *ui*, впоследствии и дала дебейкяйскую *-ai*. О том, что данная дебейкяйская *-ai* продолжает развитие более древней *-ui*, еще более очевидно свидетельствует дебейкяйская *u-*основная флексия (мест.п.ед.ч.) *-ai* (*tuĩg-ai* „в базаре“) resp. *-ai* (*virš-ai* „на верху“), восходящая к *-ui* (< *-uje*) resp. *-ui* (< *-ujè*)⁶. К флексии *-ui* восходит *o-* и *u-*основная флексия дат.п.ед.ч. также и других говоров, отмеченных в параграфе 3 г. В связи с тем, что *o-* и *u-*основная флексия дат. п.ед.ч. в дебейкяйском совпала с *ā-*основной флексией дат.п.ед.ч., т.е. получилась одна *-ai*, возводя дебейкяйскую (*raĩnk-*)*-ai* к *-ai* (< **-āi*), К. Буга (а вслед за ним и некоторые другие) транспонирует и дебейкяйскую (*vilk-*, *sũn-*)*-ai* в литературно-литовскую *-ai* и, считая ее *o-*основной, возводит к и.-е. **-oi*⁷. Однако возведение (*vilk-*, *sũn-*)*-ai* к и.-е. **-oi* мало вероятно⁸, во-первых, по тому, что данная (дебейкяйская) *-ai* вполне может быть возведена к более древней дебейкяйской **-ui* = лит. (литер.) *-ui* (см. выше). Данная гипотеза К. Буги, во-вторых (и это самое главное), неверо-

⁶ В какой-то мере ср. *māilʹs* „мыло“ (*Kėdainiai*, *Šėta* и др.) < *mūilas*; чисто формально можно транспонировать и данное *māilʹs* в несуществующее (и несуществовавшее) **māilas!*

⁷ К. Būga, *Rinkiniai raštai*, III, Vilnius, 1961, 673.

⁸ См. J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, III, Warszawa, 1965, 14.

ятна и в связи с тем: если же допускать, что флексия (*vil̃k-*, *sún-*)-*ui* не могла дать дебейкяйскую *-ai* (однако этого нельзя доказать, см. выше), т.е. если считать, что дебейкяйская (*vil̃k-*, *sún-*)-*ai* восходит к и.-е. **-oi*, то останется непонятным, как *o*-основная (дат.п.ед.ч.) и.-е. **-oi* впоследствии вытеснила соответствующую *u*-основную флексию дат.п.ед.ч. (тем более, что перенос *o*-основной флексии дат.п.ед.ч. на *u*-основную флексию дат.п.ед.ч. не имел места в балто-славянских языках, по всей видимости, и вообще⁹, см. ниже). Следовательно, транспонировка дебейкяйской (*vil̃k-*, *sún-*)-*ai* в лит. литер. **-ai* является ошибочной: прямолинейная транспонировка „из диалекта в литературный язык“ в данном случае, как и в определенных других, на самом деле, искажает действительное положение (и соотношение) вещей.

§ 5. В языке древнелитовской письменности для *o*- (разумеется, и для *u*-) основного датива ед.ч. употребляется, как правило, флексия *-ui*. Однако имеется все же не одна сотня примеров для этого же датива (главным образом, в предложных конструкциях), где известна и флексия *-u*¹⁰, напр., *daršziniku* BrB Luk. 13,7, *apschwiestamuiam kunu* BrB Phil. 3,21, *wissam pulku* BrB Teisėj. 9,18, *tokiam tinginiu* „takiemu leniwcowi“ Sz PS I 329₄, *giwenimu* Sz PS I 64₂₇, *tamu waykialu* PK 200₅, *ikki scham czesu* BrB I Chron. 13,29, Br P II 109, 128, *ikki pereiusiam cziesu* BrB Dan. 2,9, *ikki passirodijmu* BrB I Tim. 6,14, *iki galu* Sz PS I 6₁₈, 117₂₇, 128₂₃, 139₁₃, 198₁₅, 204₄, 205₆, 208₂₈, 209₁₉₋₂₀, 260₂, *iki metu* „do czasu“ Sz PS I 338₂₀, *iki metu kokiam* Sz PS I 53₈₋₉, *iki krauiu* Sz PS I 361₂₅, *ik perskielimu* Sz PS I 14₂₂₋₂₃, *po impuolimu* Sz PS I 104₁₉₋₂₀, *Po wisam swietu* Sz PS I 341₇, *po kielimu* Sz PS I 377₂₀, *po užgimimu* Sz PS I 166₂₇₋₂₈, *po tam nusideimu* Sz PS I 158₃₂–159₂, *po nusideimu* Sz PS I 231₃₀–232₂, *prieg tewu* Sz PS I 201₃₂₋₃₃, *prieg užgimimu* Sz PS I 165₉₋₁₀, *po ápkriksztimu* PK 202₁₋₂, *prieg tarnawimu* PK 228₃ и др.

Если же в древнелитовской письменности для данного датива (ед.ч.) „нормативной“ является флексия *-ui*, а не *-u*, то на этом основании, разумеется, еще нельзя допускать, напр., того, что флексия *-u* восходит к *-ui* или, иначе говоря, что флексия *-u* моложе флексии *-ui* (с бóльшим правом можно было бы допускать, именно, обратное). При всем этом обратим внимание на то, что нет древнелитовского письменного памятника, который всесторонне отражал бы говоры, напр., западнодзукские, употребляющие только *-u*, равным образом как не имеем (до XVIII в.) древнелитовского письменного

⁹ Но не наоборот: перенос *u*-основной флексии дат. п. ед. ч. на *o*-основный датив ед. ч. балто-славянские языки знают, причины всего этого см. ниже.

¹⁰ Ср.: „U für ui findet sich häufig im Dativ“, A. Bezenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, Göttingen, 1877, 65.

памятника, всесторонне отражающего, напр., жемайтские говоры, употребляющие флексию, соответствующую гервечайской (Gervėčiai) *-uo* (*vil̃k-uo*). Не вдаваясь в проблему нормализации языка древнелитовской письменности (факт соответствующей нормализации является несомненным), позволяем себе, хотя и лаконично, отметить небезобщезвестное (в какой-то мере): древнелитовский письменный язык нормализовался на основании не тех литовских говоров, для которых „нормативной“ была флексия не *-ui*. Наконец, следует помнить, что древнелитовская письменность не лишена примеров, отражающих и *o*-основную (дат.п.ед.ч.) *-uo*, а именно в сложных прилагательных (т.е., перед местоименной частью): *Artimo-iui* BrB III Moz. 19, *artimo-iui* BrB II Moz. 12 (2×), III Moz. 5,25, V Moz. 23, BrP 302₆, BrP II 201₁₈, 246_{11, 24}, 249_{12, 18-19, 21}, 251_{1, 22}, *nehadno-iam* BrB Sir. 13 и др. = *baltuo-jém, sėnuo-jui* (LŽTP 40–41), *báltuo-juo* (Salantai) и др. или *giwamũ-yem* VEE 60₇, *tynklui jməstamũ-iem* VE 195₄, *mielamũ-iem* Tewui MT (PM) 11a₂₂, *wirau-semũ-iem* VE 41₂₃, VEE 74₂₀ и др., ср. *Geramu-iem* kosnadieiui BrP II 169₁₃, *iaunamu-iem* Tobioschui BrP II 432₅, *tikramu-iem* moxluui MT 211₁₄, *Treczammu-iem* pulkuui BrP 299₂₂₋₂₃ и др. Если указанные примеры типа *mielam-ũ-iem* *Tew-ui* MT (PM) 11a₂₂ предполагают именные флексии (дат.п.ед.ч.) соответственно *-uo* и *-ui*¹¹, то вышеотмеченные примеры типа *tikram-u-iem* (*pulk-ui*) MT 211₁₄ предполагают не обязательно *-ui*, поскольку в данном *tikram-u-iem* может скрываться не только *-ui* (= *nuodemetam-uy* SzPS I 182₃₁₋₃₂ и т.п.), но и *-u* (= *paraližewôtam-u* DP 346₃₁ и т.п.). Ср. еще: *anam-ui* DP 326₃₃ и *kam'* „кому“ DP 388₁₆, 581_{12, 13, 14, 16}, но с энклитическим *g* везде находим флексию *-u*, ср. *kám-u-ġ* DP 200₁₈, 285₁₀, 388₁₇, 417_{25, 27}, *Kám-u-ġ* (*priligissime ir kam'...*) DP 425₄₆, *kuriam-u-ġ* (*kuriam'... kuriam'... kuriam-u-ġ... kuriam...* DP 611₂₁₋₂₈), DP 611₂₇, *jam-u-ġ* DP 433₃₁, *Tám-u-ġ* (*Tám-u-ġ Gedéono wéikalui*) DP 398₄₀, *Tam-u-ġ* DP 331₁₈ и т.д. Происхождение данной *-u* при допущении того, что флексия *-u* в таком положении перешла в *-u* (т.е., потеряла

¹¹ Правда, древнелитовские местоименно-прилагательные *-uo-* (напр., *pirtam-ũ-iem* VEE 220₂₋₃) и *-u-* (напр., *apschwiestam-u-iem* VEE 133₁₈) пытаются возводить к одной и той же **-uoi* < и.-е. **-ōi*, полагая, что в данной *-uo-* вскрывается переходная ступень **-uoi* от и.-е. **-ōi* к лит. *-ui*, а во флексии *-u-* содержится **-ui* = *-ui* < **-uoi* < и.-е. **-ōi*, см. И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, 159. Данная гипотеза для нас однако не является вероятной ввиду того, что этих древнелитовских *-uo-* и *-u-* генетически нельзя отрывать (этого, кстати, никто и не делает) от современных литовских флексий *-uo* (§ 3 в) и *-u* (§ 3 б) resp. *-ui* (§ 3 а), из которых ни одна, как это попытаемся доказать ниже, не восходит к **-uoi* < и.-е. **-ōi* и не предполагает ее; здесь же можно напомнить и то обстоятельство, что в восточнолитовских периферийных говорах (в них много архаичного) существующие флексии *-uo* // *-u* resp. *-uo* // *-ui* (кстати, Я. Эндзелину некоторые исключительно важные факты из этих говоров, касающиеся здесь разбираемого вопроса, не были известны) довольно прозрачно указывают на их былую „дублетность“, см. ниже.

неслоговой *-i*)¹², может быть объяснено только *ad hoc* (точнее, оно не может быть доказано), ср. хотя бы *Bet-ái-g̃* DP 37₁₀, *Szit-ái-g* DP 116₁₂, *Tat-ai-g* DP 388₂₀ и др., где перед энклитикой *g* не происходило никакого преобразования, т.е. выпадения неслогового *-i*. Наоборот, энклитика сохраняет много древнего: *wiss-ié-gu* DP 389₂₂ (но *wiss-i* „все“ DP 389₂₂), *kodrín-a-g̃* DP 419₁₁ (но *kodrin'* DP 389₅₃), *wiénok-i-g̃* DP 29₇ (но *wiénok'* DP 457₃₀) и др.

§ 6. Все ученые возводят литовские *o*-основные флексии (дат.п.ед.ч.) *-ui* (§ 3 а) и *-uo* (§ 3 в) к одной древнейшей, т.е. к и.-е. **-ōi*, при этом считая, что флексия *-uo* потеряла неслоговой **-i*¹³. Происхождение же флексии (дат.п.ед.ч.) *-u* (§ 3 б), которую считают так же *o*-основной, не выяснено вообще. Р. Траутман, не указывая никаких аргументов, выводит данную *-u* из *-ui*¹⁴; в возведении этой же *-u* к *-ui* Я. Эндзелин не уверен¹⁵, а К. Буга о генезисе данной *-u*, кажется, не говорил вообще¹⁶. Надо сказать, что переход *-ui* > *-u*, по крайней мере, для западнодзукских не может быть доказан. Возведение данной *-u* к *-uo* в аукштайтских говорах, незнающих сокращения конечных циркумфлектированных долгот, так же немыслимо: таким образом, напр., девянишкесскую (*Dieveniškės*) дативную (ед.ч.) флексию (*vil̃k*)-*u* возводить к *-uo* никак нельзя (что однако делает Я. Отрембский¹⁷).

¹² Что однако допускают некоторые ученые, см., напр.: Kai kurie lietuvių kalbos gramatikos klausimai, Vilnius, 1957, 115.

¹³ См., напр., J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, 397; его же, Baltu valodu skanās un formas, Rīgā, 1948, 115; К. Вūга, Rinkiniai raštai, I, Vilnius, 1958, 459; его же, op. cit., III, Vilnius, 1961, 673; J. Otrębski, op. cit., 14; такого же мнения и индоевропеисты.

¹⁴ R. Trautmann, Die altpreussischen Sprachdenkmäler, Göttingen, 1910, 217.

¹⁵ На 159 странице своих „Славяно-балтийских этюдов“ (Харьков, 1911) в сноске (не в тексте) в качестве замечания Я. Эндзелин неуверенно (т.е. очень осторожно) делает допущение: „Это *-u* возникло, может быть [разрядка наша. — В. М.], первоначально в сложных прилагательных перед *-jamui* (**geramui-jamui* > **gerāmu-jamui*), ср. формы женск. рода *baltajai*“. Такое допущение однако не вероятно хотя бы и по тому, что **geramujamui* (она же не засвидетельствована!) представляет форму одного (а не двух) слова — сложного прилагательного, к тому же, ср. *balta-jai*, которая ни в одном диалекте не способствовала появлению **balt-a = *rank-a* (*ā*-основный дат.п.ед.ч.). Замечание относительно истории литовского датива ед.ч.: необходимо всегда помнить, что в процессе эволюции литовских флексий (всех основ) дат. п. ед. ч. довольно ясно прослеживается тенденция не отпадения, а добавления форманта *-i*.

¹⁶ К. Буга ограничивался только сообщением (а не объяснением) материала относительно данной *-u*, К. Вūга, op. cit., II, 176, III, 837 (приводим на основании К. Вūга, op. cit., Rodyklės, 11). В связи с этим полагаем, что К. Буге происхождение этой же *-u* не было ясным (К. Буга, разумеется, знал вышеупомянутое допущение Эндзелина).

¹⁷ J. Otrębski, op. cit., III, 14. Гипотеза Я. Отрембского, согласно которой данная *-u* (*Dieveniškės*) сокращена из *-uo*, равносильна утверждению о том, что в говоре *Dieveniškės*

О вероятности того, что флексию *-u* не следует считать моложе флексии *-ui*, видимо, свидетельствует соответствующим образом и то обстоятельство, что литовским говорам, напр., нашему родному говору (Dusetos – Antazavė) известны факты типа *pravėju* „по ветру“ (наречие = предложная конструкция): *vėju* „ветру“ (дат. п. ед. ч.), где флексия (*pravėj*)-*u* не может быть с такой легкостью признана новообразованием (т.е. сокращенной из *-ui*)¹⁸. Примеры типа (*pravėj*)-*u* (предложная форма): (*vėj*)-*ui* (парадигматическая форма) имеются и в древнелитовской письменности (см. § 5).

§ 7. Возводить, по крайней мере, западнодзукскую дативную (ед. ч.) флексию (*vil̃k*)-*u* к **-ui* (= лит. диал. *-ui*, § 3 а) < и.-е. **-ōi* мало вероятно, наконец, по нижеследующим соображениям. Западнодзукскому известна не только дативная (*vil̃k*)-*u* (напр., Pivošiūnai¹⁹, см. § 3 б), но и дативная (*vil̃k*)-*uo* (напр., Dusmenys¹⁹, см. § 3 в). При всем этом очень важно подчеркнуть, что в западнодзукском говоре Ramaškonys (Вороновский р-н БССР) флексия (*vil̃k*)-*uo* является пережиточной (она известна некоторым представителям старого поколения) – обычная флексия здесь (*vil̃k*)-*u*²⁰.

Никто серьезно не может поверить тому, что предполагаемая и.-е. **-ōi* (дат. п. ед. ч.) в одном и том же диалекте – западнодзукском, более того, в одном и том же говоре окрестности, напр., Pivošiūnai – Dusmenys [(*vil̃k*)-*u* – (*vil̃k*)-*uo*] праиндоевропейский неслоговой **-i* теряла два раза и, к тому же, в две различные эпохи, т.е.: а) и.-е. **-ōi* > **-uoi* > **-ui* (лит. диал. *-ui*, § 3 а) > (*vil̃k*)-*u* (Pivošiūnai) и б) и.-е. **-ōi* > **-uo* = (*vil̃k*)-*uo* (Dusmenys)²¹.

kės циркумфлектированная долгота конца слова является сокращенной, но это неверно, ср., напр., *vil̃k-o* род. п. ед. ч. (*-o* не сокращена, т.е. нет **-a*, краткого) того же говора.

¹⁸ Ожидаемое возражение — конечный *-i* мог отпасть в наречиях (именно, в них) — не может быть серьезным: говоры, знающие факты типа (*pravėj*)-*u* и (*vėj*)-*ui*, в любом другом наречии с *-i* не теряли конечного *-i*: более того, наблюдается ясная тенденция перехода, в частности, флексии (*pravėj*)-*u* [главным образом, под влиянием самой флексии (*vėj*)-*ui*] во флексию (*pravėj*)-*ui*, а не наоборот; в нашем родном говоре старшему поколению известно *pravėj-u*, а молодому — только *pravėj-ui*.

¹⁹ Р-н Daugai.

²⁰ Такое соотношение (*vil̃k*)-*uo* и (*vil̃k*)-*u* в периферийном литовском говоре Ramaškonys (Вороновский р-н БССР) — этот исключительно ценный факт (до сих пор лингвистам неизвестный), обнаруженный кандидатом филол. наук Я. Кардялите (J. Kardelytė), довольно ясно свидетельствует о былой „дублетности“ флексий (*vil̃k*-, *sūn*)-*uo* // (*vil̃k*-, *sūn*)-*u*. Кстати, и без этого факта, по нашему мнению, можно считать, что флексии (*vil̃k*-, *sūn*)-*uo* // (*vil̃k*-, *sūn*)-*u*, а также флексии (*vil̃k*-, *sūn*)-*uo* // (*vil̃k*-, *sūn*)-*ui* представляют соответствующие „дублеты“, о чем подробнее см. ниже.

²¹ Относительно литовского дифтонга *ui* следует сказать, что он в середине слова, видимо, нигде не восходит к **uoi* < и.-е. **ōi* (разумеется, с постоянно тавтосиллабическим **-i*), см. Baltistica I (1) 22; не имеем литовского *ui*, восходящего к **uoi* < и.-е. **ōi*, и в конце слова, за исключением здесь нами оспариваемого традиционного возведения лит. (*vil̃k*)-*ui* к **-uoi* < и.-е. **-ōi*.

Такое поведение предполагаемой общеиндоевропейской *gesp.* праиндоевропейской флексии **-ōi* (в которой неслоговой **-i* то сохранялся, то исчезал) в одном и том же (литовском) диалекте (западнодзукском) и даже в одном говоре (*Pivošiūnai – Dusmenys*) не может быть, следовательно, вероятным, если будем допускать, что данные западнодзукские (*vil̥k*)-*u* и (*vil̥k*)-*uo* восходят к одной и.-е. **-ōi*, а принимать для этих же (*vil̥k*)-*u* (*Pivošiūnai*) и (*vil̥k*)-*uo* (*Dusmenys*) две исходных, соответственно, праиндоевропейских флексии **-ōi* и **-ō* еще более невероятно; подобных двух праиндоевропейских *o*-основных флексий дат.п.ед.ч. никто серьезно и не допускает: праиндоевропейской принята считать **-ōi*. Поскольку западнодзукские флексии (*vil̥k*)-*u* (напр., *Pivošiūnai*) и (*vil̥k*)-*uo* (напр., *Dusmenys*) возводить к и.-е. **-ōi*, как уже говорилось, не правдоподобно, то, следовательно, нет основания возводить и, напр., западнодзукскую (*vil̥k*)-*u* (*Pivošiūnai* и др.) к **-ui* (= лит. диал. *-ui*) < и.-е. **-ōi*, тем более, что перехода **-ui* > (*vil̥k*)-*u*, по крайней мере, для западнодзукского не предполагают и другие соображения (см. §§ 6, 5). Из того, что, напр., западнодзукские дативные (*vil̥k*)-*u* и (*vil̥k*)-*uo* не восходят к и.-е. **-ōi*, точнее, не предполагают и.-е. **-ōi*, а, напр., западнодзукская (*vil̥k*)-*u* не восходит (это совершенно ясно, см. § 6) даже и к лит. **-uo* (= лит. диал. *-uo* § 3 в), — отсюда в связи с вышесказанным вытекает единственно вероятный вывод: литовская дативная (ед. ч.) флексия *-uo* (§ 3 в, § 5) восходит к и.-е. **-ō²²*, точнее, предполагает и.-е. **-ō* (но не и.-е. **-ōi*), а литовская дативная (*vil̥k*)-*u* (§ 3 б, § 5)²³ возводима к древнейшей **-u*; последняя, т.е., лит. (*vil̥k*)-*u* < **-u* является, по нашему мнению, *u*-основной [чистая (неапофоническая) *u*-основа] флексией (дат.п.ед.ч.), соответственно введенной в *o*-основной датив ед.ч., о чем однако будем говорить ниже.

§ 8. При соответствующем учете сказанного, что литовские дативные (*vil̥k*)-*u* и (*vil̥k*)-*uo* возводимы соответственно к *u*-основной и.-е. **-u* и к *o*-основной и.-е. **-ō*, нетрудно понять, что и литовская дативная (*vil̥k*)-*ui* наряду с (*vil̥k*)-*uo*, т.е. литовские дативные (ед.ч.) флексии (*vil̥k*)-*ui* и (*vil̥k*)-*uo* не могут предполагать флексию и.-е. **-ōi*. На самом деле, при традиционном возведении (*vil̥k*)-*ui* < и.-е. **-ōi* и (*vil̥k*)-*uo* < и.-е. **-ōi* также остается необъяснимым само поведение данного неслогового *-i* (в предполагаемой и.-е. **-ōi*): ведь совершенно невероятно, что, напр., в одном и том же (литовском) восточнодзукском диалекте (ср., напр., *vil̥k-ui* *Karkožiškės* и

²² Примечание. Относительно того, что флексия лит. (*vil̥k*)-*uo* (дат. п. ед. ч.) имеет циркумфлекс вместо ожидаемого акута, см. сноску № 118.

²³ За исключением среднеаукштайтских говоров, в которых флексия (*vil̥k*)-*u* в виду соответствующих фонетических особенностей, быть может, кое-где и восходит к *-ui* или даже к *-uo*?

vil̃k-uo Gervėčiai²⁴) предполагаемый праиндоевропейский неслоговой *-i* то сохранялся (*vil̃k-ui* Karkožiškės), то исчезал (*vil̃k-uo* Gervėčiai). Отсюда могут быть сделаны два вывода: 1) или (*vil̃k*)-*ui* из и.-е. **-ōi*, то (*vil̃k*)-*uo* не из и.-е. **-ōi*, а из и.-е. **-ō*, 2) или же (*vil̃k*)-*uo* из и.-е. **-ōi*, то (*vil̃k*)-*ui* не из и.-е. **-ōi*, а из и.-е. **-ō*. Первый вывод невероятен, поскольку он, как уже говорилось, предполагает для *o*-основного датива (ед.ч.) две исходных праиндоевропейских флексии, т.е. и.-е. **-ōi* и и.-е. **-ō* и, к тому же, в одном и том же (литовском) восточнодзукском диалекте (resp. говоре). Вторым выводом еще более невероятен (точнее, нелогичен), так как флексию (*vil̃k*)-*ui* уж никак нельзя возвести к и.-е. **-ō*. Следовательно, из указанных двух выводов (премисс) вытекает, по нашему мнению, единственно вероятный третий вывод: ни флексия (*vil̃k*)-*ui*, ни флексия (*vil̃k*)-*uo* не восходят к традиционно допускаемой балт. **-ōi* < и.-е. **-ōi* и не предполагают ее (ср. § 7). Иначе говоря, единственно вероятным остается только следующее: а) литовская дативная (ед.ч.) флексия (*vil̃k*)-*uo* (§§ 3 в, 5) восходит к балт. **-ō* < и.-е. **-ō* (ср. § 7) и б) литовская дативная (ед.ч.) флексия (*vil̃k*)-*ui* (§§ 3 а, 5) восходит к **-ui* = **-u+i*; данная *-ui*, по нашему мнению, является *u*-основной флексией [чистая (неопофоническая) *u*-основа (= лит. диал. *-u* §§ 3б, 5) + *i*], соответствующим образом введенной в *o*-основной датив ед. ч. (обо всем этом подробнее см. ниже).

Правда, остается еще одна, как нам кажется, последняя возможность — единственно заманчивое допущение: не восходит ли флексия лит. (*vil̃k*)-*ui* (*o*-основа) = (*sūn*)-*ui* (*u*-основа) к лит. (*vil̃k*)-*uo* (< балт. **-ō* < и.-е. **-ō*, см. выше) = лит. (*sūn*)-*uo* (< балт. **-ou* < и.-е. **-o/eu*²⁵)²⁶, позднее resp. очень поздно распространенной формантом *-i*, т.е.: **-uo+i* > *-ui*²⁷. Однако и при таком допущении будет необъяснимым следующее: а) откуда же флексия лит. (*vil̃k*)-*u* (*o*-основа) = (*sūn*)-*u* (*u*-основа), если она не может восходить (по крайней мере, в западнодзукском) к **-ui* = лит. *-ui* (см. выше), б) почему же, напр., в Dusetos старое поколение говорит *pravėj-u* „по ветру“: *vėj-ui* „ветру“, а молодое — *pravėj-ui*: *vėj-ui* (см. § 6 и сноску № 18), в) по каким причинам, напр., в говоре Ramaškonyс молодое поколение говорит

²⁴ Окрестность Karkožiškės (р-н Pabradė) отделена от окрестности Gervėčiai (Островский р-н, БССР) приблизительно 30-километровой славянизированной полосой.

²⁵ О том, что *u*-основная лит. *-uo* (*sūn-uo*) является не заимствованием у *o*-основы (*vil̃k*)-*uo*, а апофонически (не чисто фонетически!) восходит именно к балт. **-ou* < и.-е. **-o/eu* (не к и.-е. **-ōi* resp. **-ēu*), см. § 15 сл.

²⁶ Совпадение лит. (*vil̃k*)-*uo* с лит. (*sūn*)-*uo* — явление общелитовско-латышское, но не общевосточнобалтийское, см. ниже.

²⁷ То, что формант *-i* во флексии лит. (*vil̃k*-, *sūn*)-*ui* появился очень поздно (даже не во всех литовских говорах, точнее, — в тех, которые знают данную *-ui*), признаем и мы, однако возведя эту же лит. *-ui* к **-ū+i* (где **-ū* = лит. *-u*), а не к **-uo+i*, см. ниже.

(*vil̥k*)-*u* = (*sū̇n*)-*u*, а старое знает и (*vil̥k*)-*uo* = (*sū̇n*)-*uo* (см. § 7), г) откуда же „дублетность“ флексий лит. (*vil̥k*-, *sū̇n*)-*uo* // -*ui*, а также флексий лит. (*vil̥k*-, *sū̇n*)-*uo* // -*ui*, напр., в западно- resp. восточнодзукских диалектах (см. § 7) и наконец д) почему же лит. (*vil̥k*)-*u* (*o*-основа) одинакова с (*sū̇n*)-*u* (*u*-основа), если же нет основания ее возводить к *-*ui* = лит. -*ui*.

§ 9. Как уже говорилось, разбираемую лит. (*vil̥k*)-*uo* (нами возводимую к балт. *-*ō̇* < и.-е. *-*ō̇*) целесообразно объявить большим архаизмом — архаизмом общепалатинской древности. Об этом же, кроме литовского (см. выше), говорит еще и прусская *o*-основная дативная (ед.ч.) флексия -*u* < балт. *-*ō̇*²⁸ (данная прусс. -*u* не может вместе с лит. диал. *vil̥k*-*u* восходить к древнейшему *-*u*, см. ниже), ср. прусс. *sīr*-*u* „сердцу“ < балт. *-*ō̇* = гот. *wulf*-*a* и др. (см. ниже). До сих пор не установлено, какую флексию в дативе ед.ч. имела пралатышская *o*-основа и почему же именная флексия заменилась местоименной лтш. (*vil̥k*)-*am*. Ключь к решению данной проблемы, по нашему мнению, верно указан Я. Эндзелином: „Es ist aber auch möglich, daß das Lettische gleich dem Žemaitischen (S. Slbt. Et. 159) nicht -*ui*, sondern *-*uo* aus -*ō̇(i)* oder -*uȯi* überkommen hatte; in diesem Fall wäre der Ersatz der alten, mit dem Ausgang des Akk. und Instr. S. zusammengefallenen Endung noch begreiflicher“²⁹. В данном, вполне вероятном, положении Я. Эндзелина, по нашему мнению, необходимо уточнить только следующее: а) в литовском флексия -*uo* известна не только жемайтскому (см. § 3 в), б) пралатышская *-*uo* (= лит. *vil̥k*-*uo*) восходит не к *-*uȯi* < и.-е. *-*ō̇i*, а к *-*uo* < и.-е. *-*ō̇* (§§ 7, 8). Общелитовско-латышской мы считаем не только флексию типа лит. (*vil̥k*)-*uo*³⁰ (ср. также прусс. *sīr*-*u* < балт. *-*ō̇*, см. выше), но и флексию типа лит. (*sū̇n*)-*uo*³¹, а также флексию типа лит. (*sū̇n*)-*u*³² [но не лит. (*sū̇n*)-*ui*³³], хотя не вполне ясно, знал ли пралатышский флексию типа лит. (*vil̥k*)-

²⁸ См. J. Endzelīns, *Senprūšu valoda*, Rīgā, 1943, 58; правда, Я. Эндзелин данную прусс. *-*ō̇* (наше обозначение — прусс. *-*ō̇*) вместе с лит. -*uo* возводит к древнейшей *-*ō̇i*, но это для балтийского он делает на основании того же, здесь нами оспариваемого, традиционного положения, что лит. -*ui* якобы предполагает флексию и.-е. *-*ō̇i*. Относительно гипотезы В. П. Шмида о генезисе прусс. -*u* (дат. п. ед. ч.; W. P. Schmid, *Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum*, Wiesbaden, 1963, 9) см. верные замечания: J. Kazlauskas. — *Baltistica* I(1) 88.

²⁹ J. Endzelīns, *Lettische Grammatik*, Rīgā, 1922, 292 (разрядка наша. — В.М.) = J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, Rīgā, 1951, 397.

³⁰ Т. е. *o*-основная флексия (дат. п. ед. ч.).

³¹ Т. е. *u*-основная на *uo*.

³² Т. е. *u*-основная на *u*.

³³ Лит. (*sū̇n*)-*ui* [как и (*vil̥k*)-*ui*] < *-*u+i* в отношении -*i* (но не -*u*) является, видимо, не только не общелитовско-латышской, но и не общелитовской (кстати, данную -*ui* знают далеко не все литовские говоры), о чем см. ниже.

-u³⁴, однако подробнее об этом см. ниже. После того, как пралатышский **on* (= лит. *an*) перешел в лтш. (**ō* >) *uo*, дативная лтш. *(*vilk*)-*uo* (= лит. *vil-k-uo*) совпала с аккузативной лтш. *(*vilk*)-*uo* (= лит. *vilka*), — все это создало условия для того, что в латышском флексия *(*vilk*)-*uo* заменилась местоименной (*vilk*)-*am*³⁵. Полагаем, не в это же время, а позднее — после сокращения конечных долгот, когда дативная лтш. *(*vir*s)-*uo* (= лит. *sūn-uo*) > *-*u* должна была совпасть с аккузативной лтш. *(*vir*s)-*ū* (= лит. *sūn-ū*) > -*u*, данная дативная лтш. *(*vir*s)-*u* (из *-*uo*) распространилась местоименным формантом -*m*, т.е. появилась лтш. (*vir*s)-*um*³⁶. Когда исчезла в латышском флексия *(*vir*s)-*u*, восходящая к первоначальной *-*u* (= лит. *sūn-u*), а также и литовская жемайтская *(*sūn*)-*u* (= напр., лит. дзукск. *sūn-u*), трудно сказать что-либо определенное: это происходило, по-видимому, давно — у латышей, во всяком случае, не позднее эпохи сокращения конечных долгот гersp. отпадения конечных кратких гласных³⁷.

§ 10. Если относительно реконструкции древнейшей балтийской флексии *o*-основного датива ед.ч. имеется, по сути дела, только одна гипотеза — принятие древнейшей гersp. и.-е. *-*ōi*, то для объяснения генезиса балтийской *u*-основной флексии дат.п.ед.ч. существует целый ряд гипотез. Так, напр., Й. Шмидт и О. Видеман считают, что лит. (*sūn*)-*ui* восходит к и.-е. *-*evai* или *-*evei* (= санскр. *sūn-ave*, ст.-сл. *syn-ovi*)³⁸; другие ученые возводят данную лит. (*sūn*)-*ui* к *-*vai*, *-*uvai*, *-*uvei*³⁹. Однако фонетический переход всех этих *-*evai*, *-*evai*, *-*vai*, *-*vei*, *-*uvai*, *-*uvei* и т.п. в лит. (*sūn*)-*ui* невероятен, причем данные гипотезы обходят полным молчанием то обстоятельство, что *u*-основный датив (ед.ч.) в литовских говорах имеет не только флексию (*sūn*)-*ui*, но и флексии (*sūn*)-*uo* и (*sūn*)-*u* (см. § 3), возведение которых к указанным архетипным флексиям является, тем более ясно, никак невозмож-

³⁴ Т.е. *o*-основное имя с *u*-основной флексией -*u*.

³⁵ Ср. J. Endzelin, l.c.

³⁶ В латышском, как и в литовском, подавляющее большинство *u*-основных существительных было неженского рода: поэтому добавление форманта -*m* (ср. лтш. *vilk-a-m* : *vilk-s* = *vir*s-*u-m* : *vir*s-*u-s*), а не, скажем, форманта -*i* (ср. [*i*-основную] лтш. *av-i-j* : *av-i-s*), здесь является „оправданным“.

³⁷ В пралатышском, как в пражемайтском, флексия типа лит. (*vilk*)-*u* (а тем более типа лит. *vilk-ui* < *-*u+i*), возможно, не существовала (не существовала она и в прусском гersp. прапрусском); однако флексию типа лит. (*sūn*)-*u* целесообразно признать общебалтийской. См. ниже.

³⁸ J. Schmidt, Die Pruralbildungen der indogermanischen Neutra..., Weimar, 1889, 67; O. Wiedemann, Handbuch der litauischen Sprache, Strassburg, 1897, 31, 61.

³⁹ Напр., A. Leskien, Die Bildung der Nomina im Litauischen, Leipzig, 1891, 91; (A. Varnauskas) — F. Specht, Litauische Mundarten, II, Leipzig, 1920, 174; F. Specht, IF XLII 295.

ным. К. Бругман флексию (*sūn*)-*ui* считает пришедшей из *o*-основы (лит. *vil̃k-ui*)⁴⁰; вслед за ним некоторые ученые выводят и *u*-основные лит. (*sūn*)-*uo*, (*sūn*)-*u* из *o*-основы⁴¹. Однако и данная гипотеза обоснована не более, чем предыдущие, поскольку она не объясняет и даже не учитывает главного: 1) какая же, на самом деле, была *u*-основная флексия дат.п.ед.ч. перед предполагаемой ее заменой *o*-основными *-ui*, *-u*, *-uo*, и 2) какие причины обуславливали подобную замену. На то и на другое данная гипотеза не дает и не может дать ответа тем более, что и сам допускаемый принцип, определяющийся тем, что в единственном числе *o*-основные флексии могли переходить в *u*-основные формы, не является вероятным: *o*-основные формы ед.ч. с *u*-основными формами ед.ч., напр., в литовском западноаукштайтском диалекте не имеют и никогда не имели омонимичных флексий не только в прямых, но и в косвенных падежах (хотя западноаукштайтскому флексия *-ui* и даже *-u* в *o*-основном = *u*-основном дативе ед.ч. известна, см. § 3 а, § 3 б). О невероятности Бругмановской гипотезы, наконец, говорит и наше предположение, что флексии лит. диал. (*vil̃k*)-*ui* и (*vil̃k*)-*u* восходят соответственно к древнейшим **-u+i* и **-u*, а — не к (соответственно) **-ōi* и **-ō* (см. выше), т.е., флексии лит. (*vil̃k*)-*ui* и (*vil̃k*)-*u* (дат.п.ед.ч.) генетически не могут быть *o*-основными (они же, наоборот, являются *u*-основными, см. ниже). Все эти гипотезы (относительно происхождения *u*-основной флексии дат.п.ед.ч.), по нашему мнению, с полным основанием отвергает Н. ван Вейк, который считает, что флексия (*sūn*)-*ui* имеет к *u*-основному *-u*- добавленный *-i* по аналогии с *galvai* : **galvā* > *galva*, *žemei* : *žemė*, *širdi* : **šird(s)*, отсюда — и *sūnui* : *sūnus*⁴²; гипотезу Н. ван Вейка принимал и Я. Эндзелин⁴³ (что касается другого крупнейшего балтиста — К. Буги, то он проблемы о древнебалтийской *u*-основной форме дат. п. ед. ч. вообще не говорил). Данную гипотезу Н. ван Вейка следует признать, однако, также уязвимой, во-первых, потому, что и она (как Шмидтовская и т.п. см. выше) обходит полным молчанием *u*-основные флексии лит. (*sūn*)-*uo* и (*sūn*)-*u* (см. § 3 в, § 3 б). Гипотезу Н. ван Вейка нельзя принимать, далее и потому: если же лит. (*sūn*)-*ui* (точнее лит. диал. = лит. литер.) образовалась по аналогии с *galvai* : **galvā* < *galva*, *žemei* : *žemė*, *širdi* : **šird(s)*, то почему, напр., в западнодзукском употребляется (*sūn*)-*u* (не *sūn-ui*!) наряду с *gálv-ai* : *galv-à*, *žėmei* : *žėmė*, *širdi* (но чаще *šird-žiai*) : *širdis*, — тем более, что западнодзукская

⁴⁰ К. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergl. Grammatik, II (2, 1), 172.

⁴¹ Напр., J. Kazlauskas, Daiktavardžių (*i*)*u* linksniavimo nykimas, LKK II 22—23.

⁴² N. van Wijk, Zu einigen Dativ- und Lokativformen der litauischen *i*- und *u*-Deklination, AfslPh XII 247.

⁴³ См. J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, 444.

(sūn)-*u* не может быть возведена к **-ui* (см. § 7). Имеется и больше аргументов, опровергающих гипотезу Н. ван Вейка, но достаточно, кажется, и предыдущих. Несмотря на это, гипотеза Н. ван Вейка в отношении того, что она дативную лит. *(sūn)*-*ui* не считает заимствованной у *o*-основ или не возводит к **(e)vei* и т.п., все же лучше всех остальных гипотез⁴⁴ (кстати, данную лит. *(sūn)*-*ui* к *-u+i* возводим и мы, однако в ином плане, чем Н. ван Вейк, см. ниже).

(Продолжение следует)

⁴⁴ Здесь же следует напомнить, что и Я. Эндзелину — лучшему знатоку балтийской морфологии — более подходящей из всех гипотез казалась именно гипотеза Н. ван Вейка, см. J. Endzelīns, l. c.